

В.И. Демин

Историзм творчества современных эрзянских писателей

Аннотация. Эрзянский народ прошел большой исторический путь развития, выдвинул из своей среды не одну выдающуюся личность, чьи деяния оставили заметный след в этнокультурном пространстве России. Это находит широкое художественное воплощение в творчестве современных эрзянских писателей. Примечательной особенностью данного процесса является то, что он происходит в различных жанрах и жанровых формах литературного творчества с использованием разнообразных художественных средств и приемов воплощения темы. Это позволяет с достаточной полнотой представить объективную картину исторической действительности, колоритные сцены национальной жизни, углубить онтологическое и гносеологическое звучание произведения. При этом центром своих творческих исканий писатели нередко выбирают лучших представителей своего народа как олицетворения его таланта, способностей и жизнестойкости, оставивших наиболее яркий след в его истории, начиная с самых далеких предков. Именно на этой основе реализуется в современной эрзянской литературе художественное воплощение конкретно-исторического содержания того или иного этапа в жизни своего народа, передается трагизм и красота его исторического пути.

Определенным выражением отражения этого пути в творчестве современных эрзянских художников слова и выступает данная статья.

Ключевые слова: история, историзм, литература, поэзия, проза, жанр, эпос, роман, историческая личность, художественный образ.

V.I. Demin

Historical context of the modern Erzya writers' works

Abstract. The fact that the Erzya people have covered a long historical path of development and brought forward a number of outstanding persons who left the marks on the ethno-cultural space of Russia. It finds wide artistic expression in the works of modern Erzya writers. A notable feature of this process is that it occurs in a variety of genres and genre forms of literary works with the use of a variety of artistic means and techniques of expression of the theme. It allows with sufficient completeness to present an objective picture of the historical reality, the picturesque scenes of national life, to deepen the ontological and epistemological sense of the works. Often, the centers of the writers' creativity are the best representatives of their people as representation of national talents, abilities and resilience, who have left bright marks in national history since the time of their earliest ancestors. Modern Erzya literature reflects actual historical events of different periods of life of the people, all tragic elements and beauty of the nation historical path. The artistic representation of the concrete historical content of a particular stage in the life of the people is realized on this basis, as well as it the tragedy and the beauty of its historical path.

Key words: history, historicism, literature, poetry, prose, genre, epic, novel, historical figure, artistic image.

Начиная со второй половины 1980-х годов, в эрзянской литературе происходит демифологизация советских мифов и ремифологизация язычески-архаических пластов миропонимания. При этом наблюдается такая тенденция: если еще сравнительно недавно национальные художники слова акцентировали свое внимание преимущественно на историко-революционных вопросах, то теперь их взгляд направлен в более отдаленное прошлое своего народа. Появляются произведения, в которых отчетливо гово-

рится об исторических судьбах своего народа. Писатели заставляют задуматься: кто мы? откуда мы? зачем мы? с чем пришли на эту грешную землю? Тем более что именно от писателя люди всегда ждут ответа на перемены во времени, именно его слово, трагическое мироощущение при всем жизнелюбии может, по их представлениям, потрясти и обновить мир и душу. Это актуально еще и потому, что в силу различных обстоятельств многочисленный народ, давший миру десятки талантливых личностей, обладающий ни с чем

не сравнимой сокровищницей словесно-художественного искусства, из года в год интенсивно сокращается. Обращаясь к корневым истокам своих этносов, писатели стремятся вызвать в сердцах соплеменников надежду на национальное и духовное возрождение, пробудить их национальное сознание.

Примечательной особенностью данного процесса является то, что он происходит в различных жанрах и жанровых формах литературного творчества. При этом центром своих произведений писатели нередко выбирают лучших представителей своего народа как олицетворения его таланта, способностей и жизнестойкости, оставивших наиболее яркий след в его истории, начиная с самых далеких предков.

Одним из убедительных подтверждений этого, безусловно, является эпос Александра Марковича Шаронова (1942) «Масторава» («Мать-земля», «Родина»), последовательно изданный на эрзянском, мокшанском, русском, венгерском и финском языках (1993, 2001, 2003, 2010, 2016). Этот труд, составленный из произведений разных фольклорных жанров, достойно продолжает традиции таких книжных памятников мировой литературы, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Калевала» Э. Леннрота, «Калевипоэг» Ф. Крейцвальда, «Лачплесис» А. Пумпура, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели и других. Через образы, центральное место среди которых занимает великий Тюштя, показывается реальная жизнь целого народа, его мировоззрение, культура, свободолюбивый характер, ярко проявившийся в многовековой борьбе против всевозможных завоевателей. Большая заслуга автора «Масторавы» в том, что им впервые столь гармонично и в полном объеме представлены национальная космогония, пантеон небесных и земных богов, героическая эпика, народная эстетика, этика, философия, педагогика.

Содержание разделов раскрывается через сказания, написанные на основе древних мифов, песен, сказок, дошедших до нас благодаря народным сочинителям и исполнителям. Для народного эпоса обычно характерны «безличность» повествования, неосознанность авторства. Певец или рассказчик, как правило, никак не выделяет себя, не имеет «сторонней» точки зрения на представляемые события, не дает им оценок, не выражает к ним своего отношения, не «управляет» действием.

В объединенной композиции А. Шаронова, организующей отдельные эпические сюжеты, лирические песни, заговоры и другие фольклорные произведения в единую крупную художественную целостность, появилась более осязаемая потребность в фигуре повествователя. Он не только управляет всей этой усложнившейся системой, но и расставляет определенные нравственно-оценочные акценты.

При ведении своего рассказа повествователь время от времени подготавливает читателя к тому, о чем пойдет повествование в следующих сказаниях. В эту свою роль эпический повествователь («из семи стариков самый древний, седой») входит уже во вступлении к «Мастораве». Это вступление настраивает современного читателя (уже читателя, а не слушателя) на древний эпический лад. В нем присутствуют и краткая экспозиция темы, и определенная нравственная цель повествования, состоящая в том, чтобы рассказать, «откуда эрзя и мокша вышли, как язык и традиции их появились».

Всего в эпосе восемнадцать сказаний. Больше всего их в третьем и четвертом разделах, меньше всего – в первом и во втором. Как отмечает в предисловии к изданию кандидат исторических наук М. Дорожкин, вины составителя «Масторавы» здесь нет. Если неравномерность глав считать недостатком, то он вытекает из общего состояния национальной фольклористики: что-то в ней собрано и изучено уже достаточно полно, что-то все еще ждет своего собирателя и исследователя [1, 6]. Впрочем, несмотря на то, что в художественный свод, возможно, вошли не все основные эпические произведения, бытующие в местах компактного проживания эрзян и мокшан, в нем в полной мере выразился художественный гений народа. Эпос наполнен простой и высокой человечностью, прекрасными идеями гуманизма.

Конечно, гуманизм заложен в самих мордовских народных песнях, но гуманистическим должно было быть и мировоззрение составителя «Масторавы», иначе это качество народных творений не получило бы достойного выражения в его композиции. Подобно Леннроту – автору финской «Калевалы», автор эрзянского эпического свода показал себя не просто собирателем и механическим составителем, а художником-творцом, для которого доступны и задушевность народной лирики,

и сумрачный дух заклинаний, и величие эпических песен, и дидактическая мудрость паремических изречений. Более того, силой своей собственной фантазии и таланта он должен был охватить весь эпос единым взглядом, увидеть его в художественном единстве и создать из отдельных произведений крупный эпический свод. Если бы какое-либо из этих качеств отсутствовало у составителя, то оно отсутствовало бы и в «Мастораве», ибо ни один писатель не может вложить в свое творение больше, чем есть в нем самом. «Автор, вероятно, последний живой эпик, в котором говорит сам этнос и сказочник нашего времени! Как творец данного эпоса Эрзи, он, конечно, величайший русский и эрзянский поэт конца XX – начала XXI века! Эпос «Масторава» представляет собой форму литературного языка этноса Эрзя» [2, 10].

Выход в свет «Масторавы» показал: у эрзян и мокшан появилась своя художественная история, потому что каждый народ остро нуждается в «упорядочении» своего прошлого, в том, чтобы выстроить в единый ряд все известное о себе. Иметь такую эпопею – это не только поверить в свое историческое прошлое, но и поверить в свое историческое будущее. И не случайно она получила широкое признание в финно-угорском сообществе: «Масторава» А.М. Шаронова отмечена Государственной премией Республики Мордовия, Первой литературной премией общества М.А. Кастрена (Финляндия). «Эпос прекрасен, пройдут десятки лет, и... А.М. Шаронов будет классиком эрзянской и русской литературы» [2, 10].

Современная эрзянская поэзия, аккумулируя в себе лучшие народные поэтические традиции и опыт предыдущих поколений творцов, а также наиболее характерное и значительное из поэтического мира других народов, вышла на уровень, позволяющий ей вести художественное исследование жизни во всех ее проявлениях, в самых разных жанрах, жанровых формах и стилевых направлениях. Их анализ свидетельствует о ее национальном характере и общечеловеческом содержании. Концентрированным выражением лучших ее достижений явился эпос «Масторава». То есть та художественная форма высшего вида творчества любого этноса, требующая «высокоталантливых поэтов-составителей, более того, философов, способных мыслить жизненную философию этноса» [2, 10].

Убедительным свидетельством этого являются романы народных писателей Мордовии

Кузьмы Григорьевича Абрамова (1914–2008) «Пургаз» (1988), «Олячинть кисэ» («За волю», 1989) и Александра Макаровича Доронина (1947) «Баягань сулейть» («Тени колоколов», 1996) и «Кузьма Алексеев» (2001).

Произведение К. Абрамова «Пургаз» повествует о жизни эрзянского народа конца XII – начала XIII вв. во времена так называемой «Пургасовой Руси». Автор показывает героя своего этноса князя Пургаза и близких ему людей в разных временных ракурсах, создает картины жизни древних соплеменников, раздробленных на множество родов, нередко враждующих между собой и уже не способных защитить себя от разрушительных набегов степняков. Через все произведение писатель проводит мысль о том, что только объединение могло спасти их от физического уничтожения и сохранить духовные ценности. К. Абрамов художественно убедительно воскресил и поднял из давних веков картины далекой действительности, поведал о волнующих событиях, связанных с историей родного народа во главе с князем Пургазом. «Чтобы вооружиться определенными знаниями и сведениями, необходимыми для воссоздания неповторимого своеобразия конкретного периода национально-исторической жизни и осмысления эстетического развития исторического характера, писатель опирается на научные источники («Очерки мордвы» П.И. Мельникова-Печерского, обращается к Киевской летописи, основной ее части – «Повести временных лет» (XII век), к Патриаршей, или Никоновской, летописи (XVI век), к «Слову о погибели Русской земли» (XIII век) [3, 39]. Поскольку «без понимания социально-политического, идейного, культурного развития того или иного народа, без знания множества фактов, событий, характерных для того времени, когда возникли те или иные произведения, без умения вникнуть в духовную сферу той эпохи и ее периода невозможно создание исторического характера» [4, 7]. Тем более, убедительного характера, каким предстает из романа К. Абрамова князь Пургаз – глава сильного и независимого эрзянского княжества, создатель дисциплинированного, хорошо обученного и вооруженного, боеспособного войска, способного противостоять самому подготовленному и многочисленному противнику, талантливый полководец и государственный деятель. Это «герой с яркими национальными чертами,

внутренний мир которого высвечивает духовное богатство этноса, вскрывает глубокие корни, связывающие его с родной землей» [5, 3].

Не менее интересен в этом плане и другой роман К. Абрамова – «Олячинть кисэ» («За волю», 1989), посвященный Крестьянской войне XVII века под предводительством Степана Разина. Внимание писателя привлёк последний этап крестьянского движения, местом действия которого было Поволжье, а главными действующими лицами являются представители разных народов региона: эрзя, мокша, марийцы, татары, чуваша, русские. Повествование ведется в рамках строгой хронологии. Последовательность событий в романе соответствует последовательности событий, происшедших в XVII веке, что позволяет проследить за ходом восстания на территории Поволжья и за ходом его угасания. Писателем упомянуты все крепости, все города и деревни, где происходили сражения между повстанцами и царскими войсками, подробно, с деталями рассмотрен весь ход этих сражений и их последствия. Почти все персонажи романа, за исключением нескольких, реальные лица, жившие в тот период времени и исполнявшие определенные обязательства.

В этом смысле особый интерес для нас вызывают образы представителей эрзянского народа Акая Боляева и Алены Арзамасской. Они показаны в романе всесторонне, в различных проявлениях своих действий, поступков, мыслей и чувств.

Акай Боляев К. Абрамова – один из руководителей повстанцев – есть человек, который руководствуется самыми высокими моральными принципами. В любых случаях он остается самим собой, избегающим лицемерия и предательства, независимым и свободным, гордым и мудрым в словах и поступках, что вызывает уважение не только со стороны товарищей, но и противников. Мурза Акайка ясно понимает цель начатой борьбы, которая заключается в желании сделать людей свободными, и это стало смыслом его жизни. Уже будучи раненным, почти беспомощным человеком, он не считал нужным скрываться, считая, что поступит как предатель и трус, который обрекает на смерть других людей. При встрече с карателями князя Барятинского, посланными на его поимку, а также в сцене казни через четвертование, поражающей своей бессмысленной жестокостью и заставляющей содрогнуться

от ужаса, Акай показывает неимоверную силу человеческой воли и духа. Можно сказать так: в романе К. Абрамова нет той масштабности происходящего, как, например, у А. Чапыгина, зато К. Абрамову удалось показать масштабность личности в происходящем.

Как цельная и сильная натура, абсолютно отвергающая ложь и бесчестие, изображена К. Абрамовым и старица Алена. Мы видим в произведении не только красивую женщину и искусную целительницу, но и верного товарища, борца против жестокости и несправедливости, мудрого военачальника. И во всех ипостасях Алена – лицо замечательное, необыкновенное, притягательное. Став членом отряда, она приобретает среди мужчин огромный авторитет, и они выбирают ее своим руководителем, что заставляет их быть более упорными и целеустремленными в борьбе с царскими воеводами. Обладая необыкновенным человеческим потенциалом, Алена поражает соратников по борьбе силой ума, умением найти точные, единственно верные слова для определения того или иного явления, обстоятельства, факта. Для поддержания духа в повстанцах она рассказывает им о тех, кто сумел с достоинством перенести все превратности судьбы и не склонил голову перед врагами, называя при этом и имя патриарха Никона, образ которого также находит место в современной эрзянской литературе, о чем скажем немного ниже. Алена ценит в людях умение держаться до конца и завершать начатое дело. Поэтому так строго она судит Степана Разина, покинувшего Симбирск и оставившего им же самым взбаламученных крестьян. В то же время, когда сама Алена поняла, что предана, светлая и благородная натура не позволила ей бросить товарищей, и, прежде всего, раненных, находившихся на ее попечении, хотя возможность скрыться у нее была. Будучи преданной, она не могла предать сама.

При этом нетрудно заметить, что в своем романе К. Абрамов создает не столько образ атаманши, воительницы, сколько образ женщины. Женщины умной, сильной, доброй, красивой и непокорной. Даже в последний, трагический, момент своей жизни, несмотря на унижения и пытки, она предстает перед народом такой же сильной и мужественной. Сцену казни Алены писатель заканчивает очень символично: поднялся ветер и разметал во все стороны золу костра, словно подарил частичку этой женщины всему миру, каждому человеку.

И, конечно, нельзя не отметить еще один роман К. Абрамова об исторических личностях своего этноса – трилогию «Степан Эрзя». Созданное еще в 1970-е годы, произведение посвящено скульптору, который своим именем и творчеством на весь мир прославил свой древний народ, его художественный талант и мастерство.

К несомненным удачам эрзянской прозы новейшего периода следует отнести и роман А. Доронина «Тени колоколов», удостоенный Государственной премии Республики Мордовия. Преемственно продолжая лучшие традиции отечественного и национального литературного историзма, выразившиеся прежде всего в произведениях А. Толстого, Вс. Иванова, А. Чапыгина, С. Злобина, М. Филиппова, В. Бахревского, В. Шишкова, В. Костылева, К. Абрамова и других, он, несомненно, явился новым словом в художественном исследовании переломных моментов в жизни страны, утверждающим силу и красоту народа, величие и исторический смысл деяний лучших его представителей.

Это объемное, многоплановое произведение посвящено событиям российской истории XVII века, связанным с реформой русской православной церкви. Хотя непосредственное время действия занимает в нем сравнительно недолгий отрезок, обозначенный двумя вехами – от посвящения архиепископа Никона в сан митрополита и до его смерти, – события, изображенные автором, развертываются на эпически широких временных и географических пространствах от эпохи Ивана Грозного до эпохи Алексея Михайловича Романова. Все это требовало от автора огромной глубины историко-теологической подготовки, да и особого чутья к противоречивым явлениям средневековой России. Трудность состояла еще в том, что впервые в отечественной литературе писатель попытался показать Никона не только реформатором церкви и выдающимся государственным деятелем, но и представителем народа, который в те времена еще недостаточно познал Христа и активно отстаивал право молиться собственным богам, в том числе и ценой невероятных жертв.

Год за годом (нередко называются и конкретные дни) в строгой хронологической последовательности, с некоторыми отступлениями автор воспроизвел события и факты, связанные с государственно-церковным обустройством

России. И следует сказать, что эти события и факты в целом осмыслены исторически верно и художественно убедительно.

Перед нашим взором проходят десятки персонажей – конкретно-исторических и вымышленных, которые обусловлены соображениями сюжетостроения, а также задачами воссоздания национального эрзянского быта и особенностей национального миропонимания и мироощущения. Однако в соответствии с общим замыслом большого исторического повествования в центре внимания писателя находится гигантская фигура Никона.

Шаг за шагом в нашем сознании вырисовывается образ выдающегося государственного деятеля и церковного реформатора, для которого характерна любовь и преданность родной земле, глубокое понимание назревших исторических задач, упорство в достижении поставленных целей. Вместе с тем, это противоречивая и трагическая натура, в которой милосердие соседствует с жестокостью, упрямство с высокомерием.

В романе обоснованно утверждается мысль, что никоновская реформа была продиктована не только чисто церковными, но и государственными соображениями, а именно: без этой реформы идеи централизации России повисли бы в воздухе. В то же время, утверждения о том, что, мол, если Никон и не отказался от своего эрзянского начала из-за полной нацеленности на Русь и русское государственное, то уж, во всяком случае, так настойчиво не размышлял о своих корневых истоках, не совсем, на наш взгляд, убедительны. Никон-христианин, Никон-патриарх не мог не думать об этом хотя бы потому, что его подвижническая деятельность постоянно была направлена на христианизацию «инородцев», искоренение язычества, и, возможно, поэтому он не остался в глубокой памяти своего народа.

Это можно сказать и о протопопе Аввакуме – еще об одном персонаже романа, земляке и сородиче Никона, непримиримое противостояние которого с патриархом (и, наоборот) на многие годы вперед определило общественно-духовную жизнь страны. Тем ценнее, мы считаем, книга Александра Доронина.

Не только художественно-эстетической, но и исторической ценностью обладает и другое крупное произведение А. Доронина – роман «Кузьма Алексеев».

Действие произведения происходит в начале XIX века в Терюшевской волости Нижегородской губернии. Известно, что в те времена в этих местах, начиная примерно с XVI века, происходили большие волнения, связанные с закрепощением ранее свободных крестьян, их насильственной христианизацией. Крещение с самого начала вылилось в своеобразную форму национального, экономического и социально-политического угнетения эрзянского крестьянства. Одновременно с попами и иконами в их деревни пришли помещики и представители самодержавно-крепостнической власти. Стали расти обезземеливание, налоги, усилилось духовное и административное угнетение, как само собой разумеющееся утверждались разнообразные поборы, взяточничество и грубый произвол, и выступления эрзян являлись закономерной реакцией против всего этого.

Наибольших хлопот же и страха помещикам, чиновникам и церковникам доставляло компактное эрзянское население вышеназванной волости. Из романа А. Доронина перед нами предстает народ, который, несмотря на все усилия и ухищрения господ и священнослужителей, сохраняет гордый и независимый дух, национальное самосознание и стремление к социальной и духовной свободе. Он стойко держится своих традиций, религиозных обрядов, полон достоинств в отношениях с дворянами и духовенством.

В то же время, автор не ограничивается узко временным и узко географическим материалом. Используя прием ретроспекции, его взгляд постоянно обращается в еще более отдаленное прошлое своего народа и страны, в том числе во времена атамана Разина и патриарха Никона; вместе с ним мы «проходим» по городам и весям России, знакомимся с жизнью и бытом тогдашних Арзамаса, Нижнего, а также Санкт-Петербургских кварталов. Перед нами проходит вереница разнообразных типов – вымышленных, которые обусловлены соображениями сюжетного строения, задачами воссоздания национального эрзянского быта и особенностями национального миропонимания и мироощущения, а также конкретно-исторических, живших в то время и исполняющих определенные обязанности. Имена князя Егора Грузинского – обрусевшего потомка царя Бакара Вахтанговича, которому принадлежала значительная часть крестьян волости; управляющего терюшев-

скими имениями госпожи С.А. Сент-Приест, Г.М. Козлова; министра иностранных дел Российской империи князя А.Б. Куракина; Нижегородского губернатора А.М. Руновского; председателя Нижегородской палаты уголовного суда К. Ребиндера; архиепископа Вениамина; представителя одного из самых знатных родов России князя П.С. Трубецкого – отца декабриста С.П. Трубецкого; командира карательного батальона Р.П. Хвалынского; графа А.А. Аракчеева; обер-прокурора князя А.Н. Голицына; императора Александра I; многих крестьян волости и других – имена действительно существовавших в прошлом людей. Иными словами, роман А. Доронина «Кузьма Алексеев» есть художественное произведение, в котором талантливо изображены исторические события и исторические лица.

Однако в соответствии с общим замыслом произведения, как и требовалось, в центре внимания писателя находится значительная фигура предводителя восстания Кузьмы Алексеева. Автор представляет его личностью, для которой характерны глубокая любовь и верность традициям своего народа, ум, порядочность, вера в собственное предназначение и прекрасные ораторские способности. Именно это помогает ему повести людей за собой к восстановлению былой свободной жизни, которая сменилась крепостной зависимостью вместе со сменой религии.

Сильное впечатление производят последние страницы романа. Плененный и закованный в кандалы, несмотря на всевозможные издевательства и пытки, лживые увещания и обещания, Кузьма сохранил непреклонность и величие духа, великую веру в свою религию. Такими показаны в произведении и многие его последователи. Для них свойственно стремление к социальной свободе, верность своим богам, отсутствие страха как перед угнетателями, что внушало тем наибольший трепет, так и перед жизненными невзгодами, в том числе и в характере женских образов.

Примечательной особенностью романа является утверждение, что нижегородские терюхане, располагавшиеся на подступах к Нижнему Новгороду – главному форпосту колонизаторской политики царизма в Поволжье и всегда одними из первых принимавшие удары административного и церковного аппарата, своей деятельной и упорной борьбой за национальную и духовную свободу не только

спасли от ассимиляции значительную часть соплеменников, но и ослабили натиск царизма на другие, так называемые инородческие, народы поволжского региона.

Из произведений других жанровых форм на историческую тематику, посвященным историческому прошлому эрзянского народа и деяниям лучших его представителей, можно назвать повести: «Генералдо повесть» («Генералдо повесть» П.В. Прохорова – о генерале М.А. Пуркаеве [6], «Морыцянтъ од поразо» («Молодость певца») В.В. Горбунова – певце М.И. Яушеве [7], «Ради братий своих» М.И. Брыжинского – сподвижнице Степана Разина старице Алене Арзамасской [8], «Васенце теште» («Первая звезда») – первом Герое Советского Союза из Мордовии И.А. Пожарском [9], «Три Ивана» Т.Н. Тимина

– о военачальниках И.С. Куत्याкове, И.А. Ласкине, И.В. Болдине [10]; очерки: о патриархе Никоне [11], протопопе Аввакуме [12], члене первой Государственной думы царской России писателе С.В. Аникине [13], актрисе Большого театра Е.И. Грибовой [14], певице Л.И. Руслановой [15], архитекторе, академике М.П. Коринфском [16], легендарном комдиве В.И. Чапаеве [17], всемирно известном ученом, основоположнике науки геокриологии М.И. Сумгине [18], академике-ядерщике Р.И. Ильяеве [19], о члене-корреспонденте АН СССР, юристе П.С. Ромашкине [20] и многих других.

К этому необходимо добавить, что эрзянскими писателями не обойдены вниманием и те известные исторические личности России, жизнь которых была тесно связана с нашим краем и народом.

Литература

1. Дорожкин, М. «Масторовадо» («О «Мастораве»): предисловие к эпосу Шаронова А.М. Масторава [Текст] / М. Дорожкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – С. 5–6.
2. Гагаев, А. Метаэпос трагедии и утопии [Текст] / А. Гагаев, П. Гагаев // Литературная Россия. – 2013. – № 50. – С. 10.
3. Шеянова, С.В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика [Текст] / С.В. Шеянова. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.
4. Жиндеева, Е.А. Проблема характера в мордовской исторической прозе 1970–1990-х годов [Текст]: дисс. ... канд. фил. наук / Е.А. Жиндеева. – Саранск, 1997. – 408 с.
5. Антонов, Ю.Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии [Текст] / Ю.Г. Антонов. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 260 с.
6. Прохоров, П.В. М.А. Пуркаев [Текст] / П.В. Прохоров. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 240 с.
7. Горбунов, В.В. Морыцянтъ од поразо (Молодость певца) [Текст] / В.В. Горбунов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. – 165 с.
8. Брыжинский, М.И. Ради братий своих [Текст] / М.И. Брыжинский. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.
9. Любаев, П.К. Васенце теште (Первая звезда) [Текст] / П.К. Любаев. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 80 с.
10. Тимин, Т.Н. Три Ивана [Текст] / Т.Н. Тимин. – Саранск: Литературный фонд России, 2012. – 244 с.
11. Юрченков, В. Патриарх Никон [Текст] / В. Юрченков // История Мордовии: с древнейших времен до середины XIX века. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. – С. 154–155.
12. Абрамов, В. Аввакум [Текст] / В. Абрамов // Сынь ульнесь эрзят (Они были эрзянами). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 44–63.
13. Кемайкина, Р. Сокицянь цёра (Сын землепашцев) [Текст] / Р. Кемайкина // Сынь ульнесь эрзят (Они были эрзянами). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 111–122.
14. Сетин, Ф. Цеков (Соловушка) [Текст] / Ф. Сетин // Сынь ульнесь эрзят (Они были эрзянами). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 177–183.
15. Кемайкина, Р. «Моротне – монь тонавтышам» («Песни – мои учителя») [Текст] / Р. Кемайкина // Сынь ульнесь эрзят (Они были эрзянами). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 183–186.
16. Сетин, Ф. Эрзянь архитектор (Эрзянский архитектор) [Текст] / Ф. Сетин // Пионерэнь вайгель (Голос пионера). – 1990. – № 10. – С. 2–3.
17. Лежиков, А. Минек прядо-пильгс (Наш с головы до ног) [Текст] / А. Лежиков // Эрзянь мастор. – 2011. – 29 сентября. – С. 2.

18. Выдающемуся ученому-эрзянину исполнилось 140 лет со дня рождения [Текст]. – Эрзянь мастор. – 2013. – 28 февраля. – С. 3.
19. Самойлов, В. Великий сын земли эрзянской [Текст] / В. Самойлов // Эрзянь мастор. – 2014. – 26 июня. – С. 3.
20. Арискин, И. Он был эрзянином [Текст] / И. Арискин // Эрзянь мастор. – 2016. – 15 августа. – С. 4.

References

1. Dorozhkin, M. «*Mastorovado*» («*O «Mastorave»*): *predislovie k jeposu Sharonova A.M. Mastorava Mastorav*» [«*Mastorovado*» («*About «Mastorava»*): *preface to the epos of Sharonov A.M. Mastorava*]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1994. pp. 5–6.
2. Gagayev, A., Gagayev, P. *Metajepos tragedii i utopii* [Meta-epos of tragedy and utopia]. *Literaturnaja Rossija* [Literary Russia], 2013, no. 50, p. 10.
3. Sheyanova, S.V. *Sovremennyy mordovskij roman: problematika, pojetika* [Modern Mordovian novel: problematics, poetics]. Saransk: izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2013. 284 p.
4. Zhindeyeva, E.A. *Problema haraktera v mordovskoj istoricheskoy proze 1970–1990-h godov* [The character in Mordovian historical prose of 1970–1990s]. Saransk, 1997. 408 p.
5. Antonov, Yu.G. *Zarozhdenie i puti razvitija mordovskoj dramaturgii* [Mordovian drama genesis and development]. Saransk: izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2012. 260 p.
6. Prokhorov, P.V. *M.A. Purkayev* [M.A. Purkayev]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1986. 240 p.
7. Gorbunov, V.V. *Morycjant' od porazo (Molodost' pevca)* [Morytsyant od porazo (Youth of a singer)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1988. 165 p.
8. Bryzhinsky, M.I. *Radi bratij svoih* [for the sake of the brothers]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1986. 280 p.
9. Lyubayev, P.K. *Vasence teshte (Pervaja zvezda)* [Vasentse teshte (The first star)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1994. 80 p.
10. Timin, T.N. *Tri Ivana* [Three Ivans]. Saransk: Literaturnyj fond Rossii Publ., 2012. 244 p.
11. Yurchenkov, V. *Patriarh Nikon* [Patriarch Nikon]. *Istorija Mordovii: s drevnejshih vremen do serediny XIX veka* [History of Mordovia: since ancient times until the middle of XIX century]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., pp. 154–155.
12. Abramov, V. *Avvakum* [Avvakum]. *Syn' ul' nest' jertzjat (Oni byli jertzjanami)* [Syn ulnest erzyat (They were the Erzya)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. pp. 44–63.
13. Kemaykina, R. *Sokicjan' cjora (Syn zemlepushcev)* [Sokitsyan tsyora (The son of the peasants)]. *Syn' ul' nest' jertzjat (Oni byli jertzjanami)* [Syn ulnest erzyat (They were the Erzya)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. pp. 111–122.
14. Setin, F. *Cjokov (Solovushka)* [Tsyokov (The nightingale)]. *Syn' ul' nest' jertzjat (Oni byli jertzjanami)* [Syn ulnest erzyat (They were the Erzya)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. pp. 177–183.
15. Kemaykina, R. «*Morotne – mon' tonavtycjam*» («*Pesni – moi uchitelja*») [«*Morotne – mon tonavtytsyam*» («*Songs are my teachers*»)]. *Syn' ul' nest' jertzjat (Oni byli jertzjanami)* [Syn ulnest erzyat (They were the Erzya)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. pp. 183–186.
16. Setin, F. *Jertzjan' arhitektor (Jertzjanskij arhitektor)* [Erzyansky arhitektor (The Erzya architect)]. *Pionerjen' vajgel' (Golos pionera)* [Pioneren vaygel (Voice of the pioneer)], 1990, no. 10, pp. 2–3.
17. Lezhikov, A. *Minek prjado-pil'gs (Nash s golovy do nog)* [Minek pryado-pilgs (He is ours to the core)]. *Jertzjan' mastor* [Erzyan mastor], 2011, September 29, p. 2.
18. *Vydajushhemusja uchenomu-jertzjaninu ispolnilos' 140 let so dnja rozhdenija* [The 140th anniversary of the outstanding Erzya scientist]. *Jertzjan' mastor* [Erzyan mastor], 2013, May 28, p. 3.
19. Samoylov, V. *Velikij syn zemli jertzjanskoy* [The great son of the Erzya land]. *Jertzjan' mastor* [Erzyan mastor], 2014, June 26, p. 3.
20. Ariskin, I. *On byl jertzjaninom* [He was an Erzya]. *Jertzjan' mastor* [Erzyan mastor], 2016, August 15, p. 4.